Р.П. МАТВЕЕВА

ТРАДИЦИЯ БЫТОВАНИЯ ДУХОВНЫХ СТИХОВ В СРЕДЕ СТАРООБРЯДЦЕВ БУРЯТИИ (СЕМЕЙСКИХ)*

Религиозно-назидательный фон, создававший на протяжении жизни нескольких поколений особую ментальность в культуре старообрядцев, оказал влияние и на фольклорный репертуар, в нём немалое место занимали стихотворно-песенные произведения на христианские сюжеты – духовные стихи. Большая часть из них имеет, несомненно, книжное происхождение, но передавались духовные стихи изустно или рукописным способом и со временем фольклоризовались, обрели характерные для народного творчества признаки. Как по своей внутренней форме и содержанию, так и по форме бытования (устное распространение, вариативность) духовные стихи стали подлинно фольклорными произведениями. Другая часть духовных стихов, хотя и использовала сюжеты, мотивы, образы, идеи христианской канонической и апокрифической (неканонической, так называемой «отреченной») литературы, но создавалась в рамках устно-поэтического творчества, была достоянием устной или рукописной традиции. Посредством духовных стихов христианские сюжеты и персонажи входили в контекст традиционного устно-поэтического творчества.

В среде старообрядцев Бурятии духовные стихи вплоть до середины XX в. знали и умели исполнить многие. Во время постов, например, «мирские» песни петь запрещалось и тогда вечера заполнялись «божественным» песнопением. Об этом писали П.А. Ровинский, С.В. Максимов и другие бытописатели. П.А. Ровинский обратил внимание на бытование духовных песнопений, которые уже в его время (в XIX в.) фольклоризовались и широко

Матвеева Руфина Прокопьевна – д.филол.н., Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ

*Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 08-04-00357а)

были распространены среди семейских в «миру». Он, как и другие собиратели того времени, фиксировал духовные стихи не для демонстрации религиозности старообрядцев, а как произведения эпического жанра, отражающие исторический опыт гонимых староверов. Как в традиционном исполнительстве фольклорных произведений, так и в духовном песнопении были одарённые певцы, известность которых выходила за пределы своего села. Носителями устной традиции духовного песнопения выступали как правило «помирушки» – нищие, обездоленные, они как бы продолжали традицию бродячих певцов, певцов-«профессионалов», которые кормились своим искусством. От них миряне не только заучивали духовные стихи, но и записывали в рукописные сборники, благодаря чему в старообрядчестве создавалась и другая традиция распространения духовных стихов – рукописная.

Исследователи культуры семейских, отводя должное место духовным стихам в репертуаре устной народной поэзии, почти их не фиксировали в устном исполнении, с одной стороны, из-за того, что сами исполнители опасались сообщать их собирателям, с другой – учёные из предвзятого отношения к старообрядчеству, а в советское время из-за атеистической идеологии, исключали этот жанр поэтического творчества семейских из фольклорного репертуара. Наибольшее количество духовных стихов в устном исполнении удалось записать не обременённому идеологией знатоку народной песни Н.П. Протасову в начале XX в.

Об устном распространении в среде семейских духовных стихов писал изучавший в начале XX в. язык, нравы, быт забайкальских староверов профессор Иркутского университета, известный лингвист А.М. Селищев. В книге «Забайкальские старообрядцы. Семейские» он писал: «Духовные стихи у забайкальских старообрядцев, как и у других их собратий, распеваются не только лицами, знающими грамоту, но и неграмотными, наизусть изучившими стихи со слов других. Распеваются они старыми и молодыми, мужчинами и женщинами. Расхваливали мне одну бабочку в Тарбагатае: шибко жалостно стихи поёт, в особенности когда ей ,,воточки“ поднесут. Многие к ней ходили учиться стихам» (1).

Массовое владение репертуаром духовных стихов, распрост-

ранение их не только исполнителями-«профессионалами», но и певцами-любителями привело к их «обмирщению», фольклоризации, что сказалось прежде всего на стилистике и лексике вербального текста. Так, одна из версий распространённой среди старообрядцев духовной песни «Страшный суд», записанной Н.П. Протасовым в 1901 г. от беспоповца Лазаря Судомойкина в с. Окино-Ключи, по сюжетно-мотивному содержанию является типичным для устной традиции духовным стихом, но своим песенно-народным характером больше напоминает похоронную причеть с её риторическими вопросами, обращёнными к слушателям, и глубиной выраженных чувств. Эсхатологические мотивы, характерные для старообрядческой идеологии и нашедшие отражение в духовных стихах, здесь ослаблены.

Связь с похоронной причетью обнаруживается и в имевшем широкое хождение духовном стихе на библейский сюжет «Осип Прекрасный», или «Иосиф Прекрасный», о целомудренном добром молодце, о его душевных страданиях, его мученической судьбе по воле братьев. Стих о Иосифе Прекрасном А.М. Селищеву, например, известен был в 4 забайкальских вариантах. Записи XIX в., сделанные старообрядцем Буровым, и вариант, полученный П.А. Ровинским от тарбагатайского старовера, мало чем отличаются друг от друга и от текста, записанного Н.П. Протасовым в с. Бичура со слов старообрядца Василия Петрова.

Плач Иосифа над могилой матери по своей стилистике, лексике, протяжному стиху сближается с традиционной похоронной причетью, исполняемой над могилой матери: «О, увиждь, мати, Иосифа, восстань скоро ты из гроба», – поётся в духовном стихе. Риторические восклицания почти дословно совпадают со стереотипными словесными формулами – клише похоронного плача, принадлежащего современной живой причетной традиции семейских:

Откройся, мать земля,
Ой, откройся ж ты, гробова доска.
Посмотри на меня, родимыя маменька,
Ой, стань ты, пробудися.

А.М. Селищев помечает в конце публикации: «В записи Протасова плач Иосифа у могилы Рахили длиннее» (2).

В середине XX в. бытование духовных стихов в среде семей-

ских засвидетельствовал фольклорист Л.Е. Элиасов, заставший живой, хотя и затухающей, традицию исполнения духовных стихов. В книге «Народная поэзия семейских» он указывает на записи духовных стихов в Бичурском, Мухоршибирском, Тарбагатайском районах, но сами тексты им не были представлены, за исключением отдельных цитат. В науке произведения этого жанра в условиях воинствующего атеизма называли реакционной поэзией, поэтому вполне понятно, почему Л.Е. Элиасов духовные стихи исключал из «подлинного репертуарного состава народной поэзии». Но он оставил бесценные свидетельства о знатоках духовных песнопений – «стихарях», о народной любви к «сладкопесенным словесам, к богу обращенным». О высоком духовном заряде стихов исследователь приводит рассказы самих носителей фольклора: «Стихари, – рассказывает старовер Кузьма Тимофеевич Будников, – нашу древлюю веру поддерживали божескими словесами. Они пели господние песни, у людей от зла душу смиряли. Их сладкопесенные словеса к богу обращение имели, они всех нечестивых и богопротивных хотели смирить и к старой вере накрепко привязать... Стихари во всём благочестие блюли и всем о том духовные песни пели... Стихари от божьей кары староверов спасали» (3).

В 1955 г. Л.Е. Элиасов записал от столетней жительницы с. Билютай Бичурского р-на Республики Бурятия Евдокии Акинтьевны Дерюгиной рассказ об известном в округе («лет семьдесят назад») исполнителе духовных песнопений – «стихаре». Этот «стихарь», по словам Е.А. Дерюгиной, «мог о Вознесении Господнем, о Лазаре, о Марке Богатом, об Алексее Божьем человеке, о Егорье Храбром петь днями и ночами». Вместе с женой и сыном они ходили по домам, пели, «,,божескими песнями“ кормились» (4).

Л.Е. Элиасов, приводит как иллюстрацию к комментарию собирателя отрывок текста «Стих Иосафа в пустыню вход», записанного в 1957 г. от тридцативосьмилетнего семейского крестьянина Дмитрия Матвеевича Калашникова, неграмотного, в с. Никольское Мухоршибирского р-на. Перед текстом есть указание, что стих бытует «под названием ,,Боже отче всемогущий“». Можно предположить, что полный текст с этих слов и начинается.

О большом влиянии духовных стихов на умы и души верую-

щих сам за себя говорит приведённый Л.Е. Элиасовым пример использования духовных стихов в идеологической борьбе староверия против «антихристовой» новой власти советов: верхнеудинский купец-старообрядец Тютюков нанимал «стихарей», «чтобы они ходили по семейским сёлам с пением духовных стихов и проклинали красную антихристову силу – большевиков» (5).

Духовные стихи, как и любой другой жанр фольклора, входили в устный репертуар народно-поэтического творчества семейских, но традиция их бытования имела свои особенности. Носителями традиции духовного песнопения были люди не только одарённые певческими способностями, но прежде всего обладающие особым духовным настроем. Как никакой другой жанр фольклора, духовные стихи требовали специального обучения их исполнителей. Пение духовных стихов не было массовым в той степени, в которой массовым являлось обычное песнопение. Духовное песнопение было персонифицированным. Некоторые певцы – исполнители «божественных песнопений» – способны были заменить во время богослужения уставщика, пользовались они и не меньшим уважением.

Другой особенностью бытования духовных стихов среди семейских было их рукописное распространение.

К середине XX в. духовные стихи ушли из активного устного бытования, стали в основном уделом рукописных сборников. Репертуар бытовавших у семейских духовных стихов дошёл до нас в основном благодаря самозаписи их в рукописных сборниках, занимавших видное место в народной культуре семейских Забайкалья. Лишь небольшая часть произведений этого жанра, перейдя в жанр заговора или молитвы, сохранилась в устной традиции до наших дней. Один из примеров – «Сон Пресвятой Богородицы».

Трудами археографов к концу XX в. в различных коллекциях обнаружено около 30 рукописных сборников старообрядцев Забайкалья, содержащих духовные стихи. Единичные тексты духовных стихов или отдельный раздел, состоящий из нескольких текстов, входят в сборники смешанного состава. Но есть рукописные сборники, полностью состоящие из духовных стихов. Часть сборников описана и даёт представление о местном репертуаре духовных песнопений: «Стих о прекрасной пустыне»,

«Стих об Адаме», «Стих о жизни человеческой», «Стих о покаянии и о смертной минуте», «Стих похвала девственницам» – это духовные стихи из сборника начала XX в., обнаруженного С.В. Бураевой в Кяхтинской р-не Республики Бурятии. Ею же в 2000 г. найден в Мухоршибирском р-не рукописный сборник «Стихи Макара Сергеивича Иванова», датированный самим писцом и владельцем сборника: «1924 года марта 8 дня». В составе сборника 15 стихов.

Представления о репертуаре духовных стихов семейских расширяет найденный археографами во время экспедиционных работ 2001 г. в Хоринском р-не РБ сборник духовных стихов «Стихи, принадлежащие Власову Иону Ивановичу», датированный серединой XX в. Сборник состоит из 7 стихов: «Как на нынешнее время...», «Среди самых юных лет вяну аки нежный цвет...», «А кто кто Николу любит...», «Бог творец всесильный создал человека самовлаством почитая...», «Стих о браке», «Стих о Иосафе царевиче: Расплакался младый юноша Иосафа царевич...», «Молчите презлобные» (6).

Фольклористический анализ помещённых в сборниках стихов свидетельствует о том, что эти произведения не переписаны из книжного источника, а записаны либо по памяти владельцем сборника, либо переписаны с другой рукописи.

Повсюду у старообрядцев Забайкалья, как свидетельствует А.М. Селищев, пелся известный по множеству восточнославянских вариантов «Стих об Иосафе». Народ чтит страдальцев и страстотерпцев, потому этот стих и был в среде старообрядцев любимым. Он зафиксирован в Бурятии в нескольких вариантах. Два из них А.М. Селищев приводит в монографии: из рукописи первой половины XIX в. и в записи 1901 г., сделанной Н.П. Протасовым в с. Окино-Ключи от старообрядца Лазаря Судомойкина. В обоих вариантах провозглашается одна и та же идея отречения от земных благ во имя спасения души, но вариант из рукописи XIX в. более приближен к книжному источнику, а в варианте, записанном в с. Окино-Ключи, идея спасения души в пустыне выражена в более простых, доступных для устного восприятия выражениях, стих как бы освободился от книжности, приняв устно-поэтическую форму.

Близкий по форме изложения, лексике и ритмической орга-

низации к приведённому варианту стих имеется в указанном выше рукописном сборнике Иванова Макара Сергеевича.

На основе рукописных сборников из государственных и частных коллекций и опубликованных источников (всего 60 текстов) исследователем старообрядческой книжности С.В. Бураевой был составлен сводный инципитарий (инципиты – первые строки) духовных стихов (7).

Наиболее ранними из известных духовных стихов, бытовавших в среде семейских, являются стихи о ветхозаветных персонажах «Осип Прекрасный», «Плач Адама». Последний является самым старшим по времени создания, он известен с XII в. У старообрядцев Бурятии «Плач Адама» встречается в рукописных сборниках, но есть записи и устного исполнения. Один из вариантов записал Н.П. Протасов в Бичуре от старообрядца Петрова в 1901 г.

В упомянутом рукописном сборнике М.С. Иванова записан стих «О изгнании Адама из рая», начинается он словами: «Праведное солнце в раю просветило, плакался Адаме пред раем стоя». Тексты различаются лишь начальной строкой и характерной для молитв «закрепкой»: «Богу нашему слава, ныне и присно и во веки веком. Аминь» (8).

В репертуар старообрядцев Забайкалья входили и духовные стихи о лицах древнерусской истории. Н.П. Протасов в 1901 г. от того же старообрядца из с. Окино-Ключи Лазаря Судомойкина записал стих о гибели князей Бориса и Глеба.

В указанном рукописном сборнике Макара Сергеевича Иванова также записан «Стих о Борисе и Глебе». Стих был создан в лучших традициях народных исторических песен. Вариант из рукописного сборника совпадает с текстом в записи Н.П. Протасова, варьирования лишь лексические, например, «разделяет он матушку Русь» – в записи Протасова, «Разделяет он Россию всю» – в фиксации М.С. Иванова.

Исключительной популярностью у семейских пользовался и теперь бытует в живой традиции известный повсеместно духовный стих «Сон Пресвятой Богородицы», он в повседневной жизни выполняет охранительную функцию и используется чаще всего в качестве заговора или молитвы. Как заговор от пули был записан в 1929 г. в Хоринском р-не (9).

Вплоть до 1970–1980-х годов «Сон...» переписывали, заучива-

ли, список держали при себе как оберег. Особенно большое распространение «Сон Пресвятой Богородицы» у семейских имел во время Великой Отечественной войны, его читали как молитву за тех, кто был в это время на фронте, список передавали близким.

Бытует «Сон Пресвятой Богородицы» и по сей день во множестве вариантов и версий, чаще всего как заговор и как молитва, и как просто духовное чтение в минуты отдыха, «для души», причём не только людей богомольных. Некоторые знают несколько вариантов: «Я, например, знаю 3 совершенно разные текста ,,Богородицы". Ну они несколько отличаются, есть длинный ,,Сон...". Вот эта бабка Никитична, кстати, по-моему, 2 или 3 текста должна знать» (В.Ф. Иванов, с. Хасурта Хоринского р-на). (10) Этот стих не поют, а читают, заканчивая традиционным «Аминь», он в повседневной жизни исполняет охранительную функцию.

В 2001–2003 гг. «Сон...» записан в Хоринском, Тарбагатайском, Мухоршибирском, Заиграевском р-нах РБ.

Пришедший из «отреченной литературы» духовный стих в устной традиции претерпел большие изменения. Зафиксированные в устном бытовании варианты «Сна...» значительно различаются и между собой. Но устойчивым, независимо от функции, является центральный мотив, воспринятый из библейской истории, о распятии Исуса Христа, о вещем сне, предсказавшем истязание и смерть Христа. Характерны в этом отношении варианты, записанные в 2001 г. в с. Хасурта Хоринского р-на и в 2002 г. в с. Куйтун Тарбагатайского р-на.

Велика вера в чудодейственную силу этого произведения до сих пор:

Кто эту молитву знает,
Три раза в день читает,
У Господа Бога счастлив бывает,
В путь-дорожку пойдет
Зверь не тронет, в воде не утонет,
В огне не сгорит.
На суд пойдет, судья не осудит.
Слава отцу и сыну, и святому духу.
Ныне и присно, и во веки веком. Аминь! (11).

Как заговор «Сон» используют в лечении «от порчи», «сглаза», «рожи», «чирья», «хомута» и др., как наговор на воду, на траву.

Оберегом служит «Сон...» в свадебном обряде от «сглаза» и «порчи» невесты, при отправлении в дорогу, в защите дома, от несчастного случая:

От огня полясего, от леса соблюдящего,
От зверей чернясих, от вора-супостата.

К помощи духовного стиха «Сон...» прибегают при трудных родах:

Помоги мне, мать Пресвятая Госпожа Богородица,
Со всеми своими святыми Апостолами
Рабы Божьей Прасковье. И ныне и присна
и во веки веком. Аминь.

Текст духовного стиха «Сон Пресвятой Богородицы», приспосабливаясь к той функции, которую он исполняет в том или ином случае (духовное чтение, молитва-оберег, заговор), включает клишированные формулы либо молитвы, либо заговора.

Версия духовного стиха «Сон Пресвятой Богородицы», используемая в качестве заговора, содержит словесные формулы заговорной поэзии. При сопоставлении фрагментов заговоров с аналогичными отрывками из «Сна Пресвятой Богородицы» видны многочисленные текстуальные совпадения:

На море-океане,
На острове Буяне,
Стоит церковь,
А в этой церкви сидит мать
Пресвятая Госпожа Богородица.
(с. Хасурта, 2001 г.).
В пустом поле стоит окиян-море,
На этом океян-море стоит
Единая Соборная Апостольская церковь.
В этой единой Соборной церкви стоит престол,
За этим престолом сидит дева Мария
Пречистая, пресвятая госпожа Богородица
(с. Куйтун, 2002 г.).
Из заговоров:
На озере-океане,

Там лежит камень,
На том камне
Выстроилась церковь божья.
У той церкви стоит божий престол
(с. Шаралдай, 1997 г.).

В живом бытовании наблюдается и обратный процесс влияния духовного стиха «Сон...» на заговор. Один из заговоров, записанный в 1997 г. в с. Шаралдай Мухоршибирского р-на, включает отрывок из «Сна...»: «...На осеанской горе солнце играет, там Божья Мать спала, проспала ночь, сон видела, тебя жиды поймали, на кресте распинали, золотой венец с головы снимали. Пресвятая Мать взяла за белые руки, повела по белому свету. Привела мать к синему морю, около синего моря лежат три камушка» (12).

Таким образом, сохраняя прежнюю свою функцию духовного чтения, духовный стих «Сон Пресвятой Богородицы» несёт и охранительную, оберегающую функцию и благодаря своему практическому применению остаётся в живой фольклорной традиции. Он настолько органично вошёл в традиционную фольклорную культуру, а через неё в жизнедеятельность старообрядцев Забайкалья, что в текст естественно, не нарушая поэтической системы, вошёл привычный окружающий контекст – местные гидронимы, топонимы.

Два отличающиеся один от другого «Сна...», записанные в 2001 г. в с. Хасурта Хоринского р-на РБ, заканчиваются словами:

1. Вода Хасурта, Хасурта в Курбу, Курба в Уду,
Уда в Селенгу, Селенга в море.
2. Так смой с рабы Божьей Прасковьи,
Священное море всех отгоняешь, всех избавляешь.
Так избавь рабу Божью Прасковью.
И ныне, и присно, и во веки веком. Аминь!

Итак, духовные стихи, пришедшие в устную традицию главным образом из книжно-письменной литературы, стали неотъемлемой частью фольклорного репертуара семейских. Используя сюжеты, мотивы, образы, идеи христианской канонической и апокрифической литературы, они впитали в себя характерные для народно-поэтического творчества признаки, традиционный набор художественных средств и в то же время сохранили свои

позиции духовно-нравственного регулятора человеческого поведения, поддержания жизни народного духа.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Селищев А.М. Забайкальские старообрядцы. Семейские. Иркутск, 1920. С.36.

2. Там же. С.43.

3. Элиасов Л.Е. Народная поэзия семейских. Улан-Удэ, 1969. С.29.

4. Там же. С.28.

5. Там же.

6. Бураева С.В., Казазаева Е.В., Шамтеев Д.В. Сборники духовных стихов забайкальских старообрядцев: новая находка (по материалам полевых исследований) // Этнокультурное образование: совершенствование подготовки специалистов в области традиционных культур: Материалы IV международного научного симпозиума 25–28 сентября 2003 г. г. Улан-Удэ. Улан-Удэ, 2003. С.110.

7. Бураева С.В. «Богодуховные» книги старообрядцев (семейских) Забайкалья. Улан-Удэ, 2002. С.92–95.

8. Стихи Макара Сергеевича Иванова 1924 марта 8 дня. – ХВРК ИМБТ СО РАН. №Б 5133. Л.11об.–13.

9. Воскобойников В. Приметы и суеверия семейских // Бурятиеведение. III–IV. Верхнеудинск, 1930. С.83.

10. Матвеева Т.И. «Сон Пресвятой Богородицы» в устной традиции старообрядцев Забайкалья (семейских) (конец XX–начало XXI вв.) // Этнокультурное образование: совершенствование подготовки специалистов в области традиционных культур. Т.II. Улан-Удэ, 2003.

11. Здесь и далее отрывки из «Сна» см.: Произведения апокрифического происхождения // Традиционный фольклор старообрядцев Бурятии (семейских) в современном бытовании. Улан-Удэ, 2008. С.279–288.

12. Заговоры записаны в с. Шаралдай Мухоршибирского р-на РБ в 1997 г. от Е.А. Антоновой, 1936 г.р. Личный архив автора.